

войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедальня!), — нам не указ и не образец... Ибо мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу — сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и сословно-крепостного строя. Что «немцу здорово», то русского может погубить...

Так безумие русской революции возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опыта, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. В труднейший час исторической войны, когда монарх и указанный им наследник двукратным отречением погасили в народе присягу на верность, — все это вызвало развал правосознания, безумную толкотню и давку из-за эфемерного полно-равно-правия и столь же мнимого обогащения захватом. Все это брожение возникло отнюдь не из «нищеты», «гнета» или «разрухи». Брожение шло от *нежелания* отстаивать Россию и держать фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского, русский простой народ понял революционные призывы (Приказ № 1) и освобождение от присяги — как данное ему «право на бесчестие» и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться «похабным миром» и приступить к бесчестному имущественному переделу. Это бесчестье выдвинуло наверх демагогов-интернационалистов.

Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, — «безумного молчания нашего ради», т. е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное «хоронячество» и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции. Но были и иные грехи, важнейшие: утрата русских органических и священных традиций, шаткость нравственного характера, безмерное политическое дерзание и отсутствие творческих идей.

Русская революция была катастрофой

После всего, что произошло с Россией за последние 32 года (1917–1949), нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать *катастрофический характер* происшедшего. Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение и не дала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем. Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигалева¹ и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк» и нарочно неверно и уродливо сращивала переломы.

Смута длилась 9 лет (1604 — появление самозванца, 1616 — избрание на царство Михаила Федоровича). Революция тянется уже 32 года, и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, распатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и произведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась. Россия начала 20 века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После смуты Россия была разорена (засевалась всего одна двадцать третья часть прежней площади), но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымаривает ее систематически и стимулирует ее мнимое «богатение»; она исказила ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в *мировую язву*, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в *истории всего человечества*, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет *европейское происхождение* и что он теперь ломится назад, — на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализовавших государственное

правление. В мире встал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, — жестокий и безбожный, *величайший лжец и пошляк мировой истории*, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства.

Итак, русская революция подготовлялась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) — людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, *ничего не понимали в России*, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они как голодные дети объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников губительной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева...

Русские революционеры не понимали *величайших государственных трудностей*, создаваемых русским пространством, русским климатом и ничтожной плотностью русского населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью *русского исторического бремени* (на три года жизни — два года оборонительной войны!) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным *правосознанием* и что русское национальное правосознание держится на двух основах — *на Православии и на вере в Царя*. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры. Они не видели тех опасностей, которые заложены для России — в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающегося и шаткого характера и в его многосотлетней непривычке активно и ответственно строить свое государство. Они не понимали, что западные демократии держатся на многочисленном и организованном «среднем сословии» и на собственническом крестьянстве и что в России нет еще ни того, ни другого.

Они видели только *сравнительную бедность и нравственную удобособлазнимость* русского народа — и десятилетиями демагогировали его. И никому из них и в голову не приходило, что народ,

не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом *продаст ее тиранам за личный и классовый прибыток...* Подпиливали столбы и воображали себя титанами Атлантами, способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшею» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодочку опрокинуло волною...

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности — была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели *иррациональной органичности русской истории и жизни*. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благоднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетели, Фундаминский), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием...

Возникновение и преодоление большевизма в России

Трагедия русской революции стала возможною вследствие того, что *индивидуализация инстинкта в России опередила индивидуализацию духа*, а исторические события и испытания *требовали иного*. Мировая война 1914–1918 гг. потребовала от русского народа чрезвычайных напряжений и жертв, а главное, несоблазненности и несоблазняемости частным прибытком: нужна была воля к победе, а не имущественному переделу; необходимо было государственное чувство и великодержавное понимание, а не классовая зависть и ненависть, не мстительное памятозлобие, подземно тлевшее еще от эпохи крепостного права. События снова поставили русский народ на распутье, как уже не раз бывало в его истории. И было опять два пути, две возможности: или, по слову летописи, «грозно и честно нести дело» России, или же начать «Русь нести розно». Русский народ не выдержал искушения, не справился с соблазном и пошел по второму пути, подсказанному большевиками. *Индивидуализированный инстинкт восстал против духа*, не внял его призывам, отверг его заветы и предпочел (как говорили тогда) «похабный мир» и всенародный имущественный передел.